

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Статья представляет собой историко-социологическое исследование, объектом которого стало взаимодействие власти и общества на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX в. Основные направления внутренней политики и социальные процессы, протекающие на Дальнем Востоке в этот период, позволяют выявить принципы регионального проекта, целью которого было формирование местной властью ряда общественных организаций, исполняющих посреднические функции в решении вопросов социального, культурного и хозяйственного направлений региональной политики. Механизм региональных процессов, формирующих «административные» функции общественной организации, рассматривается в качестве решения острой проблемы общественной жизни Дальневосточного региона: накопление и удержание человеческого капитала.

Ключевые слова: общество; общественная организация; история Дальнего Востока; социальная политика; региональная политика; регион.

Дискуссия о роли легальных общественных сил в реализации национальных проектов Российского государства имеет длинную историю, начавшуюся с открытия более 150 лет назад первой общественной организации дореволюционной России. Влияние общественных сил признается полезным в том случае, если речь идет об их воздействии на процессы демократизации политического режима, либерализации властных структур различных уровней и в целом на модернизацию гражданской и политической жизни. Взаимодействие власти и общества, учитывая неоднократные попытки правительственной регламентации деятельности общественных организаций, часто оценивается как зависимость или подчинение общественных интересов государственным. На уровне дореволюционных теорий проблема их взаимоотношения разработана государственной историографической школой, представители которой называли частные союзы одной из трех форм управления, наряду с управлением «через чисто правительственные установления» и управлением «через выборные установления» [1. С. 27]. Таким образом, задача вольных объединений, не обладавших делегированными властью полномочиями, заключалась в восполнении средств правительства и самоуправления.

Дореволюционные общественные организации то объединяли с местным и даже сословным самоуправлением – на основе свойственной этим институтам «самодеятельности» (личной инициативы, самостоятельного действия, осуществляемого не по распоряжению властей), то строго разделяли, учитывая разные нормы права, которыми регулируются их действия [2. С. 610. 3. С. 65]. При этом теоретики подчеркивали, что смысловое начало всех общественных организаций находится в деятельности власти, объединяющей, организующей [1. С. 205] и поддерживающей равновесие между общественными силами [4. С. 13], поскольку государство в конечном счете решает общественные задачи. В итоге «государственная регламентация, самоуправление и частные союзы» составили «три способа осуществления разных общественных задач», не исключających друг друга, но взаимно дополняющих недостаток средств каждого [1. С. 27]. Можно полагать, что активное взаимодей-

ствие власти и общества в целом не противоречит существованию гражданского общества; инициатива властных структур, с опорой на существующее, а не строящееся с помощью власти гражданское сознание, является скорее российским способом построения элементов гражданского общества.

В целом идея привлечения общественных организаций к решению проблем регионального развития как уникального явления, заключающего в себе черты общественных и государственных институтов, не являлась слишком абсурдной в начале XX в., как и не является абсолютно новой в начале XXI в. Для постсоветской России, переживающей замедленные темпы развития регионов, связанные с необходимостью улучшения качества жизни населения, актуальным становится сам принцип модернизации региональной политики. Реальность такова, что решение задач в ключевых сферах жизни общества невозможно без участия самого общества. С другой стороны, участие общественных сил в жизни региона в виде местного самоуправления недостаточно, а во многих вопросах вовсе исчерпало свои возможности. К тому же местная власть не в состоянии учесть все претензии общества, а разрозненная общественность не способна их донести. Таким образом, именно влияние общественных организаций, представляющих собой, по сути, «обратную связь» между обществом и властью, между региональным управлением и федеральным центром, могло бы стать той силой равновесия, которая позволит найти баланс между общественными интересами и национальными проектами и, в конечном счете, модифицировать соответствующие аспекты региональных программ.

Исторический опыт стратегических решений развития регионов исключительно интересен на примере Дальнего Востока – уникальной территории, имеющей сложную политико-географическую характеристику с проблемами и противоречиями внутреннего развития, которые к тому же циклично повторяются на каждом историческом отрезке времени. Регион, состоящий из краев и областей, имеющих выход к морям Тихого и Ледовитого океанов, территорий, растянувшихся на пространстве между Баренцевым и Японским морями, отличает необходимость обяза-

тельного акцента на военную составляющую в своей программе развития. Специфика восточного региона такова, что на первый план выдвигается проблема сохранения такого населения, которое способно создавать и поддерживать недвижимый экономический рубеж (зону хозяйственного освоения) и при этом организовываться сообразно военным и политическим задачам на восточной границе – государственной границе особого типа. Однако трудности в освоении земель не всегда были понятны не только прибывающим переселенцам, но и власти, не представляющей, какой в конечном счете должна быть поддержка местного немногочисленного населения. Таким образом, российское пребывание на востоке должно было решить проблему организации общественной жизни региона. Однако этого не произошло. Напротив, региональная политика царской России оказалась наиболее успешной в такой важной для сегодняшнего Дальнего Востока проблеме, как накопление и удержание человеческого капитала. Это дает основания считать, что приоритеты дальневосточного направления политики были найдены. Механизм реализации этой политики был основан на создании условий для самоорганизации общества, способного аккумулировать и реализовывать собственные потребности. Принципы политики руководителей местной администрации, рассматривающей общественность с позиций конкретной пользы, приносимой местному хозяйству и культуре [5. С. 301, 309], заключались в следующем:

1) признать объективным наличие государственного (на местном уровне – генерал-губернаторского) интереса в развитии тех направлений общественной деятельности, которые необходимы для удовлетворения нужд региона;

2) считать некоммерческую общественную организацию ключевым звеном в реализации социального, культурного, хозяйственного направлений региональной политики;

3) осуществлять генерал-губернаторский контроль за всей системой деятельности общественных организаций, добровольно исполняющих роль посредника между властью и обществом;

4) поддерживать и лично участвовать в деятельности общественных организаций;

5) считаться с чувством гражданского долга у населения, а не формировать его. Служба общественному благу должна рассматриваться всеми участниками как условие собственного благополучия.

Необходимо учитывать условия реализации этих принципов на пространствах дореволюционного Дальнего Востока России: доминирующие позиции государства в социальной сфере, широкие полномочия главного начальника края – приамурского генерал-губернатора, обязательная отчетность общественных организаций и осведомленность генерал-губернатора о деятельности каждой из них. Существовала также тенденция, свойственная представителям различных уровней власти, – самим учреждать общественные организации, отдавая дань требованиям времени [5. С. 7].

Итак, рассмотрим исторический пример создания и деятельности общественных организаций на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. с целью выявления основных направлений, принципов, причин и результатов региональной политики взаимодействия власти и общества, а также ответа на ряд вопросов, в частности:

– Какие общественные организации могут взять на себя роль посредника между властью и обществом?

– Как региональная власть может конструировать основу общественной жизни региона?

– Каков алгоритм взаимодействия местной власти, самоуправления, общественных организаций?

– На чем основана взаимозависимость власти и общества в деле развития российского региона?

Каковы были причины, заставившие представителей местной власти остановить свой выбор на частных благотворительных обществах как на основных элементах региональной системы благотворительной помощи населению? Прежде всего, участие в сфере благотворительности было требованием закона того времени к чиновникам самого высокого ранга [6. Ст. 336, 340, 344], предполагавшего их участие «по долгу своему» во всех учреждениях, способствующих делу благотворительности, а благотворительное общество, как и любая общественная организация, представляло собой централизованную и организационно оформленную деятельность. К тому же это был самый простой и в то же время самый удачный на тот момент способ помощи – изыскивать средства и направлять их нуждающимся. Для генерал-губернатора и губернаторов, не располагавших избытком казенных средств, это обстоятельство было важнейшим. И все же самым большим плюсом общественной организации такого рода была не стабильность материальной базы организации, а ее некоммерческий источник. Можно даже сказать, что первые благотворительные общества Дальнего Востока создавались учредителями как добровольный финансовый центр, из которого будут черпаться средства на наиболее острые нужды беднейшего населения. Порядок открытия обществом домов призрения, школ, детских приютов и т.д. свидетельствует, что решение о приоритетах адресного направления средств принималось правлением по мере развития деятельности и отражало нужды города, в котором действовала общественная организация. Владивостоку, не имевшему на момент учреждения в нем благотворительного общества, начальных учебных заведений, требовалась школа; Благовещенску – хотя бы одна больница; большинство жителей чиновничьего Хабаровска не имели средств на лечение и т.д.

Использовали ли губернаторы другие формы развития благотворительности? Яркий пример в этой связи представляет деятельность губернаторов Амурской области, создавших и возглавивших Благотворительный фонд (1885–1886 гг.; фонд состоял из 1038 руб. 83 коп. и 581 пуда муки). Половину фонда составили личные средства бывшего военного губернатора Амурской области П.С. Лазарева [7]. Собрать «фонд» действовавшему и бывшему губернаторам

области помогли жители Благовещенска. Вскоре за отсутствием каких-либо других подобных организаций именно этот фонд «преобразован» в Благовещенское лечебно-благотворительное общество. Уже для следующей организации этап «фондовой деятельности» был пропущен. Благотворительные общества открывались по личному разрешению приамурского генерал-губернатора, т.е. до утверждения устава соответствующим министерством. До утверждения устава открыты Владивостокское благотворительное общество (1875), Приамурское дамское благотворительное общество (Хабаровск, 1889), Николаевское благотворительное общество (Николаевск-на-Амуре, 1898 г.), Южно-Уссурийское благотворительное общество (1902). Причина открытия сформулирована генерал-губернатором А.Н. Корфом как «действительная надобность подобного учреждения на Амуре» [7]. Председательствовали в этих обществах супруги генерал-губернаторов и губернаторов; как правило, они же были основательницами обществ и возглавляли их. Например, Владивостокское благотворительное общество (1876 г.) – «любимое детище» А.А. Фельдгаузен, супруги военного губернатора, лично купившей дом для второй народной школы и богадельни на 12 кроватей (общие собрания членов общества проводились в доме военного губернатора); Приамурское дамское благотворительное общество (1886 г.) основано баронессой С.А. Корф, супругой первого приамурского генерал-губернатора, лично собравшей 6 тыс. рублей к его основанию и т.д. [7, 8], что часто оговаривалось в уставе общества.

Совместная работа благотворительных общественных организаций и городской власти также делала их приоритетной, с точки зрения властей, формой социальной защиты. Постоянно выделяя обществу субсидии, до 1917 г. города не оставили без помощи ни одну из благотворительных организаций, в том числе избравших своей уставной целью осуществление какой-либо отдельной формы благотворительной помощи (что отчасти объясняют передачей с 1887 г. благотворительных учреждений Приказа общественного призрения в ведение городских управ [10. С. 227]). Множество подобных случаев дает возможность говорить о совместном с городом ведении дела или частичном содержании городом некоторых начинаний общества [9. С. 143, 183–189, 201–207, 210–218] (более подробное рассмотрение участия самоуправления в жизни благотворительных обществ в данной статье не проводится). Учитывая, что имущество и денежный капитал благотворительных обществ в случае их закрытия поступали в собственность города (по уставу общества), такое сотрудничество могло быть взаимовыгодным (аналогичную статью можно найти практически в каждом уставе дореволюционных обществ Дальнего Востока. По окончании обществом своих действий или при его закрытии организация, по желанию учредителей, могла передать свое имущество любому благотворительному обществу или городу).

Итогом совместной работы губернаторов, самоуправления и членов обществ стало повсеместное развитие благотворительности, принявшее на Даль-

нем Востоке форму «благотворительного движения» [11. С. 21]. Впервые в регионе появился новый уникальный тип общественной организации, сократившей дистанцию между обществом и властью больше, чем какие-либо другие общественные институты. В дальнейшем этот опыт не повторялся. С 1900 г. благотворительные общественные организации такой широты деятельности (их отличает название «лечебно-благотворительное» или «благотворительное») не создавались. Повторить работу «полубюрократических» организаций [12. С. 140], как и саму модель общественно-государственной системы благотворения [13. С. 18], оказалось не под силу частным благотворительным обществам. Однако этого уже не требовалось. Губернаторское начало благотворительного дела на Дальнем Востоке было положено, общественности оставалось выбрать приемлемые направления и продолжить эту работу, создавая новые благотворительные организации, основанные в большей степени на общественном, а не государственном интересе.

Несомненно, на сегодняшний день «более адекватным решением задач социальной политики» является «расширение финансовых полномочий региональных органов власти и, особенно, органов местного самоуправления» [14. С. 236]. Однако исторический опыт Дальнего Востока демонстрирует такую схему решения финансово-экономических и организационных вопросов социальной политики, которая оставляет выбор приоритетов деятельности за общественными организациями определенного типа. Городским властям остаются материальные вопросы содержания и предоставления помещений, выплата жалования отдельным участникам, направление субсидий благотворительным общественным организациям.

Далее рассмотрим решение другой важнейшей проблемы Дальнего Востока во второй половине XIX в. – крайнюю разрозненность местного, и без того немногочисленного, населения и отсутствие, даже в городах, культурных центров общественной жизни. Ситуация, невозможная в это время в европейской части России, была практически неразрешима на ее восточных окраинах. Дело в том, что ключевым вопросом городского досуга было создание клуба (собрания), т.е. постройка помещения, подходящего и специально отведенного для культурного времяпровождения в часы досуга. Участок и средства могли предоставить городские власти или состоятельные горожане (учитывая имущественный ценз для избрания в органы городского управления и малую заселенность Дальнего Востока, в последней четверти XIX в. состоятельными горожанами и гласными городской Думы были одни и те же люди). Вопрос состоял в том, на каких законных основаниях будет учреждено собрание и кто возьмется поддерживать жизнедеятельность этого заведения, учитывая, что до 1880-х гг. ни одного общественного собрания здесь не существовало?

И все же именно собрания становятся первыми центрами культурного досуга на Дальнем Востоке, ответственность за открытие которых до официального утверждения устава брали на себя генерал-губернаторы и губернаторы. На Дальнем Востоке и словом «собра-

ние», и словом «клуб» обозначали здание, используемое исключительно для устройства в нем культурных мероприятий (как правило, двухэтажное; иногда несколько комнат в таком здании [16. С. 114; 17]). В справочниках эти слова используются как синонимы в начале XX в. (см., например: [16. С. 114]). К тому же идея организации именно собрания вызывала активное сочувствие населения и, следовательно, финансовое участие наиболее состоятельных граждан в постройке помещений клуба. С этими же людьми можно связать активную поддержку городского самоуправления, а именно получение участка земли под постройку или арендуемого помещения. Они же становились учредителями собрания. Наконец, наиболее массовые мероприятия общественного собрания, как правило, всенародны и могли оказывать объединяющее влияние на всех жителей города. Причем это действие было масштабным. Из 116 обществ, действовавших на Дальнем Востоке до Октябрьской революции, отмечено 34 попытки открытия собраний и 20 организаций сценического искусства (обществ музыкальных, драматических, литературных) – объединений, «сопутствующих» деятельности собрания. Итак, если верно то, что представители местных высших чинов выбрали идею создания общественных собраний, чтобы объединить местное население культурным времяпровождением, то в равной степени верно и обратное – решение властей органично следовало за реализацией этой идеи.

Учитывались и сословные различия. Так, вопрос об организации во Владивостоке «общественного собрания, в котором могли бы соединиться на равных правах все интеллигентные слои общества», возникал несколько раз. Необходимость в таком собрании, по словам генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера, объясняется тем, что все существующие собрания (морское, военное, собрание приказчиков, общество пения – на 1898 г.), хотя и служат «для объединения общества», но «носят на себе сословный характер» [15. С. 302]. Исключения составляют клубы, специально создаваемые на основе профобъединения. Так, Д.Д. Григорьев, губернатор Сахалинской области, ходатайствовал об организации в посту Александровском (Сахалин) чиновничьего клуба, где можно было бы собираться на досуге, по словам губернатора, «для отдыха, обмена мыслей, составив одну общую семью, что, конечно, внесло бы в общественную жизнь то единство чинов всех ведомств, которое так необходимо для совместной дружной работы на благо Родины» [18. С. 50]. При этом нельзя с полной уверенностью утверждать, что представители высших уровней местной власти предполагали объединение общества вокруг собственной персоны или известных им лиц. Однако в 1911 г. на обсуждении кандидатуры председателя Петропавловского клуба была выдвинута примерно такая идея: «Принимая во внимание зимнюю отрезанность г. Петропавловска от культурного мира, вызывающую необходимость организации разумных развлечений и желательность поэтому избрания в председатели такого лица, которое объединило бы общество, сплотило бы его членов и тем гарантировало бы его от распада». Председателем общества стала

супруга губернатора С.М. Мономахова [17, 20]. Верно также и то, что на Дальнем Востоке, как и в Центральной России, общества становились «центрами притяжения богемы» [19].

Оценки общественных собраний как центров, в работе которых была заинтересована власть и которые этой властью целенаправленно формировались, уже появлялись в работах авторов, изучающих историю городского досуга. Например, Хабаровское общественное собрание оценивается как «всесословное культурно-развлекательное учреждение, созданное на государственном уровне...» [21. С. 53, 55, 57]; имеющиеся в Хабаровске собрания «стали на долгие годы пристанищем для самодеятельных и профессиональных местных и гастролирующих трупп и отдельных артистов, что объяснялось стремлением дать местной администрации очаг культуры, отвлечь офицеров и чиновников от карт, вина и скуки» [22. С. 214].

Дальнейшая деятельность собраний показывает всю важность клубного помещения для общественной жизни города. Около десяти лет (а, например, в Благовещенске – до 1917 г.) собрания соединяли местное общество (Морское собрание (1870-е гг.), и Собрание Приказчиков (1889) во Владивостоке сменило Общество изучения Амурского края (открывает зал не позднее 1884–1887 гг.); Хабаровское общественное (1880) и гарнизонное (1884) сменили залы Приамурского отдела ИРГО (не позднее 1884–1886 гг.). Никольск-Уссурийское общественное собрание открылось в 1900 г. в доме Рутковского, новое здание со зрительным залом на 300 мест появилось в 1909 г., конкуренцию ему составило здание Никольск-Уссурийского железнодорожного собрания, построенного в 1908 г. и ставшего центром поселка). Сбор от благотворительного вечера в собраниях, в свою очередь, поступал на строительство «меньшего брата» – Народного дома, на нужды переселенцев, беднейшего населения, с 1904 г. – пострадавшим на войне нижним чинам и их семьям. Каждую неделю проводились общедоступные вечера (чаще в собраниях Владивостока), в дневное время буфет собрания открывался для публики, о чем ежедневно сообщалось в объявлении в местной газете. При собрании открывались курсы, специальные чтения, воскресные школы при повторительных в них вечерних классах, «бюро труда» и даже детский сад (Собрание приказчиков г. Владивостока). Лекции и концерты, маскарады и вечера студентов, семейно-танцевальные вечера (чаще раз в неделю), лотереи и заседания общественных организаций города (для репетиций музыкальных и театральных обществ помещение репетиционного собрания, расположенного, как правило, в центре города, предоставлялось бесплатно) – это далеко не полный список мероприятий, стремительно изменивших досуг дальневосточных городов.

Сложно сказать, какого именно воздействия ожидали генерал-губернаторы и губернаторы от собраний и предполагалось ли изначально влияние того образовательного значения, которое свойственно музыке, литературе, театру – первые общества и кружки сценического искусства открыты в 1886 г. при Военном

собрании Владивостока, в 1887 г. – при Морском собрании Владивостока; в 1886 г. – при Общественном собрании Хабаровска; в 1896 г. – при Гарнизонном собрании Хабаровска. Тем не менее такое объединение творческих сил города позволило заложить основу музыкального образования, создать постоянный коллектив исполнителей, а губернаторам ежегодно упоминать о их деятельности в отчетах фразой «стоит отметить». Кроме того, в начале XX в. отчеты губернаторов упоминают библиотеки собраний как крупнейшие библиотеки Дальнего Востока (Благовещенского общественного собрания), как лучшую в городе (Владивостокского морского собрания). Причем, по мнению губернаторов, они также заслуживают внимания «как общественные библиотеки» [23. С. 257]. Как и в системе благотворительности, организации, созданные по инициативе местных властей, заложили основу данного направления общественной деятельности – культурного досуга. Учредителям XX в. оставалось выбрать и реализовать приемлемые формы самостоятельно и продолжить реализацию культурно-просветительной функции собраний (деятельность собраний позволяет исследователям оценивать их как просветительную или культурно-просветительную организацию. См., например: [21. С. 53; 24. С. 48–49]; оценки собраний как центра культурной жизни гражданского населения, места для проведения культурного досуга см.: [9. С. 189; 21. С. 53; 25. С. 9]). Причем с 1906 г., когда право создавать собрания было закреплено юридически, популярной стала «смешанная форма» – «клубы на семейных началах» и разного рода профессиональные объединения небольших групп горожан («смешанную форму» имели 8 из 13 открывшихся организаций).

Наконец, остановимся еще на одной группе общественных организаций – своего рода объединениях по интересам. Это общества любителей спорта (попыток открыть общество – 14), охоты и рыбалки (11), воздухоплавания (1), садоводства и огородничества (2), птицеводства, коннозаводства (5) и сельского хозяйства (7), фотографического искусства (3), эсперанто (8), техническое (1) и т.д. Однако признание времени досуга в качестве развлечения не мешало отражению в уставах или деятельности обществ задач обучения, совершенствования или получения членами общества полезных профессиональных навыков, научно-исследовательской работы, развития соответствующей отрасли хозяйства (учредителями и членами правления этих организаций были состоятельные люди, имеющие личный, профессиональный и частично коммерческий интерес к развитию дела). Несомненно, высшие административные чины были заинтересованы в поощрении любой частной инициативы такого рода и даже участвовали в них. Как и на европейской территории России, в большей степени поощрялись общественные организации, работавшие в областях, игравших в российской экономике наиболее значимую роль [5. С. 315].

На Дальнем Востоке в числе обществ, «работающих» в этой отрасли, помимо носящих уставное название «сельскохозяйственные общества», представлен широкий спектр организаций: общества любителей садоводства, огородничества, животновод-

ства, птицеводства. Общества образованы для удовлетворения интересов своих участников, почти каждый из которых имел участок земли и осуществлял свой вклад в развитие района, например, «содействием развитию садовой и огородной культуры в крае... распространением лучших сортов... среди местных жителей» [26. С. 88, 142–143]. Способами достижения этой цели были, помимо раздачи саженцев и отборных семян населению, устраиваемые обществами съезды и выставки (сельскохозяйственной продукции, домашних животных и птиц), конные испытания, распространение литературы по разведению животных и птицы, разведение и улучшение племенных пород и т.д. Подробные обзоры о состоянии соответствующей отрасли любители постоянно публиковали в «Ведомостях» (см., например, отчеты Общества любителей садоводства и огородничества [26]).

Деятельность обществ, несомненно, была весьма плодотворна. Еще в 1899 г. в обзоре Амурской области «несуществующим» названо садоводство. Причем и другие отрасли земледельческого хозяйства были здесь «или, вообще, слабо развиты, или... в зачаточном пока состоянии» [28. С. 11]. Самостоятельной роли, судя по обзору, не играло скотоводство; весь Южно-Уссурийский край по климатическим условиям признан местом, где «нельзя рассчитывать, чтобы там могли произрастать культурные плодовые деревья» [15. С. 150, 155]. Однако к 1903 г. распространение семян местным Никольск-Уссурийским обществом способствовало тому, что «местный базар в течение текущего лета был завален овощами, продаваемыми по крайне низкой цене», а посещение выставок приблизилось к 600–2000 чел. [26. С. 90, 160]. К концу 1899 г. на выставках полезные культуры и племенные животные обществ получали серебряные и золотые медали [29, 28], а к 1912 г. в Южно-Уссурийском крае обнаружилась «наиболее выдающаяся» «по количеству скота и общей постановке крестьянского скотоводческого хозяйства Хорольская волость». В Амурской области к 1911 г. местным обществом налажена постоянная доставка племенного скота, а Общество сельскохозяйственного птицеводства в 1912 г. сумело заинтересовать крестьян породным птицеводством [26, 40, 41].

Интересно, что к «объединениям по интересам» местная администрация обращалась постоянно, в разные периоды времени и по различным вопросам, суть которых сводилась к острой необходимости сотрудничества. В итоге сложилась практика, реализованная на Дальнем Востоке повсеместно: для решения особенно значимых проблем общественные организации привлекаются как участники, равные государственным структурам. Например, 8 декабря 1915 г. с принятием «Положения о мобилизации спорта» спортивные, стрелковые и некоторые охотничьи общества попали в особый список приамурского генерал-губернатора, который был направлен Главноуправляющему за физическим развитием народонаселения империи (суммы на устройство народных стрельб – полезного на границе дела – выделялись еще в конце XIX в. Владивостокскому и Южно-Уссурийскому

обществам любителей охоты. Стрельбище Владивостокского общества открыто для публики с 1895 г. Владивостокским обществом спорта (1907) обучение солдат началось в 1910 г. [30–32]). Общественные организации переведены «в разряд занятых выполнением серьезной государственной важности деятельности», из них образовано «по одному военно-спортивному комитету... как по собственному почину, так и по предложению Главноуправляющего за физическим развитием народонаселения Российской Империи», проведена ориентация на ведение допризывной подготовки лиц, подлежащих приему в войска. Исключение составило только Амурское общество спорта, туризма и военной подготовки, специально образованное в 1916 г. по причине неготовности спортивных общественных организаций Благовещенска к принятию допризывной подготовки [33, 34]. Из обществ любителей охоты в список генерал-губернатора внесены: Спасское общество охоты и спорта (1914), Приморское стрелково-охотничье общество (1910) и Зейское общество охоты и спорта (1908); Амурское общество охотников и Благовещенское представительство Российского общества туристов участвуют в Амурском военно-спортивном комитете под председательством губернатора [35].

Аналогичные примеры можно найти в деятельности организаций различной специализации. Согласно «Правилам о побочных использованиях в казенных лесах Приамурского края», утвержденным генерал-губернатором Н.И. Гродековым 10 июня 1899 г., наблюдение за точным их исполнением «могут принимать на себя члены местных обществ правильной охоты». Любители охоты активно включались в процесс выработки правил охоты, раз или два в год направляя свои проекты губернатору или генерал-губернатору, которые, учитывая совместную деятельность обществ и «лесной администрации», внимательно изучались (в 1908 г. дважды предоставляют правила и ходатайствуют о введении охотничьего закона в крае Владивостокское общество и Южно-Уссурийское, в сентябре этого же года проект правил и закона губернатору направило Хабаровское общество, отметив неотложность их принятия [30; 37. С. 47]). В 1917 г. Приморское общество сельского хозяйства приняло на себя решение вопроса об обеспечении деревни в предстоящий сезон рабочей силой [36]. Амурское сельскохозяйственное общество (1905), помимо своей уставной деятельности – доставки племенного скота и лошадей и содержания случного пункта, играет «роль солидного посредника между земледельцами и интендантством по сбыту зерна для местных войск» [32]. Подобные примеры отражают не только степень участия, но и доверие местной администрации.

Хорошо забытая в новейший период отечественной истории старая дружба между обществом и властью на рубеже XIX–XX вв. была основана на безвыходной ситуации: невозможно продолжать политику развития региона без поддержки общественности. Найденный выход может показаться неоднозначным, но вместо того, чтобы заставить общество решать проблемы региона и ожидать результата, власть делает общественные проблемы своими. Как только общественная жизнь стала делом государственным, а общественные организации, созданные властью, начали действовать в обозначенных направлениях, появились добровольные проводники этой политики, общее число которых к 1917 г. составило 165 некоммерческих организаций. Со временем выработались принципы этой политики, составившие суть стратегии развития Дальневосточного региона: представители высшей власти создают общественные организации в самых необходимых областях жизни региона, поддерживают и опираются на их деятельность, рассматривая эти организации как административное звено. Причин, заставивших представителей местной власти рассматривать общественные организации в качестве основных элементов региональной политики, было несколько, в том числе недостаточное финансирование, неразвитость системы социальной защиты, почти полное отсутствие экономических рычагов, острая нехватка военного и гражданского населения и т.д. Результат заставляет задуматься об истинном назначении административного ресурса. Менее чем за десять лет произошли кардинальные перемены в городской жизни Дальнего Востока, а именно: местное общество сплотилось и составило активную общественную поддержку действиям власти, наметились положительные тенденции в развитии всех областей хозяйственной жизни, население быстро увеличивалось и включалось в систему общественных сил региона.

Упомянутые в статье общества, конечно, не составляют всей мозаики общественных организаций дореволюционного Дальнего Востока, так же как и рассмотренные акценты политики местной администрации в отношении этих организаций не дают полного представления обо всех достижениях и проблемах взаимоотношений общества и власти. Все же общая картина развития общественных сил региона, алгоритм действий местной власти и самоуправления, динамика сотрудничества и его результаты показывают успешный опыт того, как власть может строить основные элементы общественной жизни региона, опираясь на поддержку общества, на взаимообусловленность и взаимозависимость этих сил в деле развития дальневосточных территорий России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годовичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года ординарным профессором А. Градовским. СПб., 2001.
2. Гессен В.М. Общества // Энциклопедический словарь. Репринт. воспроизв. издания Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890–1900. Ярославль, 1992. Т. 42.
3. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1994. Кн. 1.
5. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002.

6. *Свод законов Российской империи*. СПб., 1892. Т. II.
7. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 12.
8. *Владивосток*. 1886. 12 июля. № 30.
9. *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: Очерки истории. Владивосток, 2002.
10. *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.
11. *Войт Л.Н.* Проблемы переселения на Дальний Восток и благотворительное движение во второй половине XX – начале XX вв. // *Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона* (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001.
12. *Гаврилов Н.И.* Участие горожан Иркутской губернии в благотворительных обществах 2-й половины XIX века: проблемы реализации социальных ожиданий // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
13. *Скалабан И.А.* Зачем Российскому государству благотворительные организации? // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
14. *Гордин В.Э., Васильев Г.Г., Хорева Л.В.* Место и роль негосударственных некоммерческих организаций в реформировании социальной сферы России // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования*. СПб., 2007.
15. *Унтербергер П.Ф.* Приморская область 1859–1898 гг. Очерк. СПб., 1900.
16. *Голубцов Г.* Амурский календарь на 1903 г. СПб., 1903.
17. *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока* (РГИА ДВ). Ф. 1377. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 6, 16.
18. *Григорьева М.В.* Он сам сделал выбор // *Губернаторы Сахалина* / гл. ред. А.И. Костанов. Южно-Сахалинск, 2006.
19. *Туманова А.С.* Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2008.
20. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 299. Л. 172–172 об.
21. *Андреев Г.А.* Культурно-просветительная деятельность: Хабаровские общественные и военные собрания // *Россия и АТР*. 2003. № 3 (41).
22. *Иванов А.С.* Театральная культура Дальнего Востока до 1917 г. // *История культуры Дальнего Востока России XVII – начала XX вв.*: сб. науч. тр. Владивосток, 1996.
23. *Чичагов А.Г.* Всеподданный отчет Военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901.
24. *Вайман Л.А.* Развитие музыкальной культуры во Владивостоке в начале XX века // *Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность*. Владивосток, 1984.
25. *Засека Ю.И.* Военные оркестры // *Культура на Дальнем Востоке XIX – XX вв.*: сб. науч. работ. Хабаровск, 1993.
26. *Коляда А.С., Кузнецов А.М.* Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997.
27. *Приамурские ведомости*. 1900. 27 февр. № 322.
28. *Обзор Амурской области за 1899 г.* Благовещенск, 1900.
29. *Приамурские ведомости*. 1899. 12 сентября. № 298.
30. *Дальний Восток*. 1895. 13 авг. № 86.
31. *Дальний Восток*. 1901. 28 окт. № 161.
32. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 388. Л. 1, 25.
33. *Приамурские ведомости*. 1916. 12 января. № 278.
34. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 53.
35. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 342. Л. 154.
36. *Приамурские ведомости*. 1917. 18 марта. № 2545.
37. *Всеподданный отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1896–1897 годы*. СПб., 1898.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 июня 2014 г.

PUBLIC FORCES FOR THE DEVELOPMENT OF THE REGION: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE FAR EAST

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 107–114. DOI 10.17223/15617793/392/19

Kotlyar Nadezhda V. Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: galactotes@gmail.com

Keywords: society; public organization; history of the Far East; social policy; regional policy; region.

Modern problems of development of Russian regions, gradually involved in the field of the global crisis, are forced to seek, first of all, solutions in the field of social problems and contradictions. In this regard, of particular interest was the study of the historical experience of the regional cooperation between the authorities and society, in the course of their implementation the most optimal strategy of social and cultural development of the Far East region of Russia was worked out. The study of the regional project and attraction of public organizations to the solution of the key problems of the region is also interesting in terms of identifying the features of formation and development of the social forces and the Far East specifics of the relations between public and state structures. The work gradually reveals the philosophical, political and sociological aspects of interaction of the authorities and society, turning to the description of the structural elements of the domestic policy of the Far Eastern administration in the last third of the 19th century. The material allows us to trace the algorithm of actions of local authorities and NGOs in the region, but gives an idea about the evolution of regional policy and its principles, the dynamics of cooperation of NGOs and the General-Governor's authorities, as well as the reason of change of regional policy priorities. The article discusses such issues as the structure and principles of the Far East public organizations' activity; the relationship of NGOs and local government. The article considers the principles of the regional social project aimed at constructing the foundations of the social life of the region; the general structure of the solution of the most acute problems of the Far East; cooperation of the local administration and regional public organizations in three directions: charity, cultural and entertainment activities, development of relevant industries. A general conclusion is made about the possibility of "administrative" functions of public organizations and their place in the management practices of the leaders of the local administration, about the formation of a principled position of the representatives of the local administration, regional governors and the Amur Governor-General regarding public organizations of the pre-revolutionary Russian Far East based on the possibility of relying on the sense of civic duty in the Far East. The main principles of management practices from different parts of the local administration confirming the successful experience of creating a system of balancing the forces of society and the possibilities of the authorities in the history of the Far East are stated.

REFERENCES

1. Gradovskiy A.D. *O sovremennom napravlenii gosudarstvennykh nauk. Rech', proiznesennaya na godichnom akte Imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta 8 fevralya 1873 goda ordinarnym professorom A. Gradovskim* [On the current direction of public science. Speech delivered at the annual act of the Imperial St. Petersburg University on February 8, 1873 by Full Professor A. Gradovsky]. St. Petersburg, 2001.
2. Gessen V.M. *Obshchestva* [Communities]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Reprinted edition of Brockhaus and Efron's Dictionary of 1890–1900. Yaroslavl, 1992. Vol. 42.
3. Chicherin B.N. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. 656 p.
4. Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh* [Russian history. A full course of lectures in three books]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. Book 1. 573 p.
5. Tumanova A.S. *Samoderzhavie i obshchestvennye organizatsii v Rossii. 1905–1917 gody* [Autocracy and public organizations in Russia. 1905–1917]. Tambov, 2002.
6. *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1892. Vol. II.
7. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 24. Pages 1, 12.
8. *Vladivostok*, 1886, no. 30, 12 July.
9. Sergeev O.I., Lazareva S.I., Trigub G.Ya. *Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Ocherki istorii* [Local government in the Far East of Russia in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries: A short history.]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2002. 291 p.
10. Vlasov P.V. *Blagotvoritel'nost' i miloserdie v Rossii* [Charity and mercy in Russia]. Moscow: Tsentr-poligraf Publ., 2001. 443 p.
11. Voyt L.N. [Problems of moving to the Far East and the charity movement in the second half of the 19th early – 20th centuries]. *Dal'niy Vostok Rossii: istoricheskiy opyt i puti razvitiya regiona (Pervye Krushanovskie chteniya, 1998 g.)* [Russian Far East: historical experience and the development of the region (First Krushanov Readings, 1998)]. Vladivostok, 2001. (In Russian).
12. Gavrillov N.I. *Uchastie gorozhan Irkutskoy gubernii v blagotvoritel'nykh obshchestvakh 2-y poloviny XIX veka: problemy realizatsii sotsial'nykh ozhidaniy* [The participation of Irkutsk province citizens in charities in the 2nd half of the nineteenth century: problems of social expectation realization]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
13. Skalaban I.A. *Zachem rossiyskomu gosudarstvu blagotvoritel'nye organizatsii?* [Why does the Russian state need charities?]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
14. Gordin V.E., Vasil'ev G.G., Khoreva L.V. *Mesto i rol' negosudarstvennykh nekommercheskikh organizatsiy v reformirovanii sotsial'noy sfery Rossii* [The place and role of NGOs in the reform of the social sphere of Russia]. In: Leikind O.L. (ed.) *Blagotvoritel'nost' v Rossii. Istoricheskie i sotsial'no-ekonomicheskie issledovaniya* [Charity in Russia. Historical and socio-economic studies]. St. Petersburg: Zvezda Publ., 2007.
15. Unterberger P.F. *Primorskaya oblast' 1859–1898 gg. Ocherk* [Primorye region in 1859–1898. An essay]. St. Petersburg, 1900.
16. Golubtsov G. *Amurskiy kalendar' na 1903 g.* [The Amur calendar of 1903]. St. Petersburg, 1903.
17. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 1377. List 1. File 1. Pages 4, 6, 16.
18. Gridyaeva M.V. *On sam sdela vybor* [He made a choice himself]. In: Kostanov A.I. (ed.) *Gubernatory Sakhalina* [Governors of Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Lukomor'ye Publ., 2006.
19. Tumanova A.S. *Obshchestvennye organizatsii i russkaya publika v nachale XX veka* [Civil society organizations and the Russian public in the early twentieth century]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2008. 320 p.
20. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 299. Pages 172 172 ob.
21. Andriets G.A. *Kul'turno-prosvetitel'naya deyatel'nost': Khabarovskie obshchestvennoe i voennoe sobraniya* [Cultural and educational activities: Khabarovsk public and military meetings]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*, 2003, no. 3 (41).
22. Ivanov A.S. *Teatral'naya kul'tura Dal'nego Vostoka do 1917 g.* [Theatrical culture of the Far East until 1917]. In: Stryuchenko I.G. (ed.) *Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii XVII – nachala XX vv.* [A Cultural History of the Far East Russia in the 17th – early 20th centuries]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1996.
23. Chichagov A.G. *Vsepoddaneyshiy otchet Voennogo gubernatora Primorskoj oblasti general-leytenanta Chichagova za 1900 god* [A humble report of the Military Governor of the Primorye region, Lieutenant-General Chichagov in 1900]. Vladivostok, 1901.
24. Vayman L.A. *Razvitie muzykal'noy kul'tury vo Vladivostoke v nachale XX veka* [Development of musical culture in Vladivostok in the early twentieth century]. In: *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka: traditsii i sovremennost'* [Culture of the peoples of the Far East: tradition and modernity]. Vladivostok: DVNTs AN SSSR Publ., 1984.
25. Zasekha Yu.I. *Voennye orkestiry* [Military bands]. In: *Kul'tura na Dal'nem Vostoke XIX – XX vv.* [Culture in the Far East in the 19th – early 20th centuries]. Khabarovsk, 1993.
26. Kolyada A.S., Kuznetsov A.M. *Nikol'sk-Ussuriyskiy: shtrikhi k portretu* [Nikolsk Ussuriyskiy: finishing touches to the portrait]. Ussuriysk: UGPI Publ., 1997. 224 p.
27. *Priamurskie vedomosti*, 1900, no. 322, 27 February
28. *Obzor Amurskoy oblasti za 1899 g.* [Overview of the Amur region for 1899]. Blagoveshchensk, 1900.
29. *Priamurskie vedomosti*, 1899, no. 298, 12 September.
30. *Dal'niy Vostok*, 1895, no. 86, 13 August.
31. *Dal'niy Vostok*, 1901, no. 161, 28 October.
32. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 388. Pages 1, 25.
33. *Priamurskie vedomosti*, 1916, no. 278, 12 January.
34. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 463. Page 53.
35. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3. File 342. Page 154.
36. *Priamurskie vedomosti*, 1917, no. 2545, 18 March.
37. *Vsepoddaneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo za 1896–1897 gody* [A humble report of Priamurye Governor General Lieutenant General Dukhovskoi for 1896–1897]. St. Petersburg, 1898.

Received: 08 June 2014